

После глобального землетрясения, из-за хаоса в магнитном поле, помощь продвигалась крайне медленно. Лишь на пятый день бедствия подоспели военные из гарнизона, находившегося за несколько сотен километров. Вместе с добровольцами, которых собрал сам город D., спасательные работы ускорились. Но время было упущено — многие не дождались помощи и погибли под завалами. Вместе с теми, кто умер в первые минуты землетрясения, из почти шестимиллионного населения города D. в живых осталось не больше трёх миллионов. А климат начал меняться: меньше чем за месяц температура подскочила до тридцати градусов. Жара и трупы под развалинами наполнили весь город невыносимым смрадом. По сравнению с тем запахом, что навсегда врезался в память, вонь на зоорынке казалась сущим пустяком.

Нин Циянь прошёл совсем немного и нашёл лавку, где продавали декоративных кроликов.

Он не стал выбирать породу — просто ткнул пальцем в двух самых упитанных зверьков, уточнил, что это самец и самка, и велел продавцу посчитать цену вместе с клеткой.

— Девушке собрался дарить? — улыбнулся пухлый хозяин.

Нин Циянь улыбнулся в ответ, но ничего не сказал.

Пухлый продавец оказался человеком общительным.

— Ко мне за кроликами приходят или для детей, или чтобы порадовать девушку. Девушкам обычно нравятся милые зверюшки.

Нин Циянь кивнул. Почему-то он вспомнил Ду Чэна. Расплатившись и взяв клетку, он уже собрался уходить, но остановился как по наитию:

— А если человек неразговорчивый — ему стоит завести питомца?

Пухлый продавец не собирался отделываться пустыми словами. Подумав, он спросил:

— А характер какой?

— Уравновешенный. Просто не любит болтать.

— Если человек уравновешенный, значит, у него есть чувство ответственности. Такому очень подходит завести питомца. — Продавец кивнул. — Можно взять собаку, но подойдёт активная.

Нин Циянь задумчиво кивнул, поблагодарил пухлого торговца и вышел из лавки. Однако возвращаться сразу не стал, а углубился дальше в рынок.

После землетрясения никаких развлечений не осталось. Когда они с Ду Чэном жили в горах — и зимой, и летом, — всё их время, кроме выдачи пайков и поисков еды, проходило в том, что они тарасились друг на друга и считали дни. Скука смертная. А если завести собаку, жизнь

станет повеселее. Тем более что припасы можно подготовить заранее — прокормить одну собаку несложно.

На зоорынке больше всего продавали собак — всех мастей и пород. Нин Циянь раньше этим не интересовался, а теперь, когда нужно было купить, растерялся. Обойдя весь рынок, он так и не понял, где породистая, а где дворняжка, где элита, а где простолюдин. В конце концов он вернулся в кроличью лавку и спросил совета у словоохотливого хозяина.

Пухлый продавец выслушал его проблему и рассмеялся. Оставив лавку на помощника, он лично повёл Нин Цияня в самую глубь рынка.

— У меня там старый друг держит магазин. Он всю жизнь собак любит. Пойдём, я тебя с ним познакомлю.

С этими словами пухляк ввёл Нин Цияня в небольшую лавку. На первый взгляд она ничем не отличалась от других — те же стеклянные стены, те же клетки с собаками. Но стоило войти, как Нин Циянь заметил разницу. Видно было, что здешний хозяин и правда любит собак: кроме клеток у входа, большую часть помещения занимали высокие загородки, образующие вольеры разного размера. Многие собаки свободно бегали внутри. Места было немного, но двигаться хватало — куда лучше, чем сидеть взаперти в тесной клетке.

— А где старик Ли? — спросил пухлый продавец у паренька, обслуживавшего клиентов у входа.

Паренёк как раз расчёсывал псу ростом почти ему по пояс. Услышав вопрос, он просто указал пальцем в глубь лавки.

Когда Нин Циянь вслед за пухляком добрался до самого дальнего угла, он увидел человека с наполовину седыми волосами. Тот сидел на корточках спиной к ним и что-то там колдовал.

— Эй, старик Ли, чего ты там застрял? — Пухлый продавец подошёл и хлопнул сидящего по плечу.

— Обожди, — бросил тот, даже не обернувшись.

Пухляк не обиделся, отошёл на пару шагов, поманил Нин Цияня и уселся на свободный стул.

Ждать пришлось недолго. Сидевший наконец встал, размял плечи и повернулся. На вид ему было лет под шестьдесят — лицо худое, но спокойное.

— А, это ты, Сяо Тан. По делу? — Старик Ли скользнул взглядом по клетке с кроликами у ног Нин Цияня и приподнял бровь.

Пухлый продавец улыбнулся, указал на Нин Цияня и сказал:

— Этот братец хочет купить собаку, но в них ни уха ни рыла не смыслит. Вот я и привёл его к тебе спросить совета.

Старик Ли кивнул Нин Цияню, подошёл и тоже сел.

Только когда Ли отошёл, Нин Циянь заметил, что в углу, который тот загораживал, лежит небольшая собачонка — вялая, унылая, с опущенной головой.

Заметив его взгляд, старик Ли сказал:

— Только что лекарством накачали — теперь бунтует.

Нин Циянь невольно улыбнулся:

— И собаки умеют бунтовать?

— Ещё как, — усмехнулся Ли. — Собаки среди животных далеко не глупы. Они очень привязываются к человеку и чувствуют настроение хозяина. Они не то что бунтуют — они и ластятся, и кувыркаются, и выклянчивают, что хотят. Чего только не вытворяют!

Слушая старика Ли, Нин Циянь подумал, что если завести такое маленькое существо, то в будущем, когда жизнь станет тоскливой, будет чем скоротать время.

— Господин Ли, — спросил он, — у меня есть друг. Он человек очень сдержанный, неразговорчивый, развлечений у него никаких нет. Как вы думаете, какая собака ему подойдёт? Самое главное — чтобы была неприхотливая.

— Мужчина или женщина? — прямо спросил Ли, снова покосившись на клетку с кроликами.

— Мужчина.

— Квартира большая?

— Метров сто сорок.

— Где выгуливать есть?

— Есть.

— Здоровье как?

— Крепкое. Рост метр восемьдесят восемь, сложен ладно.

— С финансами как?

— На счетах больше миллиона.

Когда все условия были выяснены, старик Ли удовлетворённо кивнул. Нин Циянь же слегка опешил. Все эти вопросы его озадачили — он никак не мог взять в толк, то ли господин Ли выбирает собаке хозяина, то ли дочери жениха.

Старик Ли задумался и наконец ткнул пальцем в угол, где всё ещё сидела приунывшая собачонка.

— Вот эту бери.

Нин Циянь проследил за его рукой.

— Эту?

Ли кивнул и поманил зверька. Тот, который только что был вялым и сонным, мгновенно вскочил и, скаля зубы, бросился к ним. Какие-то несколько шагов — но он умудрился пробежать их так, будто делал рывок на спринтерской дистанции.

— И всё? А как же лекарство? — удивился Нин Циянь. — Его же только что накачали!

Ли махнул рукой:

— Он раньше в соседнюю лавку забежал, объелся кошачьего корма. Я ему пищеварительное дал.

...

Обожраться кошачьим кормом до несварения — похоже, этот пёс и правда неприхотлив.

В конце концов Нин Циянь вышел с зоорынка, держа на руках этого пса, которого продавец назвал чистопородным хаски.

4. Освобождение

Когда он вернулся домой, уже стемнело. Он разогрел ужин, который прихватил по дороге, и только собрался есть, как почувствовал какое-то шевеление у ног. Опустив голову, Нин Циянь

увидел умоляющий взгляд щенка. Поколебавшись, он всё же взял миску, отложил несколько кусков мяса и поставил на пол.

Хотя старик Ли и настаивал, что зверька лучше поморить голодом пару дней, но если съест немного — ничего страшного не случится.

После еды он поместил и кроликов, и щенка в пространственное хранилище, а всё мясо, купленное днём на рынке, запихнул в холодильник. Вещей было немного, так что управился он быстро.

Пережив перерождение и не спав предыдущую ночь, Нин Циянь наконец почувствовал усталость. Он заставил себя сделать подстилку для щенка из запасного одеяла и рухнул на кровать.

На следующее утро Нин Циянь проснулся бодрым и свежим. Сначала заглянул в хранилище — проверить кроликов. Не найдя ничего необычного, покормил их, а потом пошёл на кухню готовить завтрак.

За едой он смотрел, как новый питомец носится взад-вперёд, а сам тем временем обдумывал, что нужно купить днём. До Нового года оставалось всего несколько дней. После праздника зимнюю одежду в магазинах почти распродадут. А после землетрясения зимой холода будут страшные — почти три месяца трескучих морозов. Тёплых вещей понадобится немало. Нин Циянь помнил: в первый год после катастрофы от летней жары власти были вынуждены эвакуировать людей в горы Цанъюнь за городом D. Там, вокруг Озера Слёз, вырыли пещеры, чтобы спастись от зноя. Летом ещё туда-сюда: снаружи было под сорок пять градусов, в горах — максимум тридцать семь, а в пещерах и того прохладнее. К тому же воды в Озере Слёз хватало, так что лето ещё можно было перетерпеть. А вот зима, которая пришла следом, стала новым ударом для жителей D., только что переживших землетрясение, в котором погибла половина населения. Даже уцелевшие после толчков здания не избежали повреждений отопительных труб. Хотя за осень их кое-как отремонтировали, но смогли наладить отопление только в главном корпусе Университета С., что в студенческом городке. Трёх с лишним сотням тысяч выживших в D. маленький университетский кампус не мог предоставить убежище даже для ничтожной доли. В итоге власти сосредоточили там на зиму только детей до шести лет, стариков старше восьмидесяти, беременных женщин и тяжелораненых. Всех остальных снова отправили в горы. Всю зиму, хотя в горах температура была почти на десять градусов выше, чем на равнине, минус тридцать — это не те условия, к которым привыкли люди. В D. до землетрясения самые холодные дни зимой были около минус десяти, и то в любом помещении работало отопление или обогреватели. Все обходились пуховиком или шерстяным пальто. Но теперь, когда никакого отопления в пещерах не было, даже Нин Циянь и Ду Чэн — двое здоровых молодых мужчин — едва пережили зиму. А после её окончания статистика показала, что ещё более шестисот тысяч человек тихо умерли за три месяца в покрытых льдом и снегом горах Цанъюнь.

При мысли об этом Нин Циянь вдруг осознал, что зимняя одежда, продававшаяся в городских магазинах, была рассчитана лишь на обычную зиму в D. А чтобы по-настоящему защититься от морозов после землетрясения, нужно было ехать за покупками куда-нибудь на Крайний Север.

Нин Циянь нахмурился и подавил внезапно возникшую мысль. Во-первых, теперь у него есть пространственное хранилище. Когда настанут холода, они с Ду Чэном смогут прятаться туда греться. В те времена никто без крайней необходимости не покидал своих пещер — даже патрульные солдаты в конце концов перестали обходить посты из-за невыносимого холода. Так что вдвоём перезимовать в хранилище будет несложно и незаметно. А во-вторых, если они с Ду Чэном будут одеты слишком тепло по сравнению с другими, это привлечёт внимание — они станут как мишень.

Нин Циянь вздохнул, погладил щенка, который уже успел забраться к нему на колени, отправил его обратно в хранилище, быстро привёл себя в порядок и вышел.

Доехав до центра города, он выбрал один из универмагов и принялся закупать зимнюю одежду.

Сначала он взял для Ду Чэна два полных комплекта на эту зиму — всё, от нижнего белья до верхней одежды. Подумав, что этого достаточно, Нин Циянь начал скупать всё подряд впрок, готовясь к будущим зимам.

Самые тёплые пуховики — по две штуки на каждого, кашемировые свитера — по четыре, утеплённые флисовые костюмы — по четыре комплекта, жилеты, валенки, шапки...

Когда он перебрал всё, что только можно было представить из зимней одежды, и взглянул на чек в телефоне, то слегка поморщился.

Это только зимние вещи — и почти сорок тысяч юаней. Видно, при подготовке запасов нужно тщательно рассчитывать бюджет.

С четвёртым походом, загрузив пакеты с покупками в машину, Нин Циянь поехал домой.

Обед он снова приготовил сам. Раньше, как и большинство мужчин, Нин Циянь не особенно любил стоять у плиты. До землетрясения он в основном питался вне дома. Но после трёх лет, проведённых в новом мире, у него появилась странная любовь к готовке. Когда у него было достаточно продуктов и приправ, и они превращались в его руках во вкуснейшие блюда, это наполняло его тихой удовлетворённостью.

После обеда Нин Циянь включил телевизор и, слушая доносящиеся оттуда голоса, открыл на коленях ноутбук и зашёл на сайты интернет-магазинов.

Раньше, если ему что-то было нужно, он шёл прямо в магазин. Об интернет-покупках он знал лишь понаслышке — от однокурсников и коллег.

Но сегодняшняя утренняя трата заставила его вспомнить, что люди вокруг постоянно твердили: в интернете всё дешевле, чем в торговых центрах.

Хотя на счетах у Нин Цияня было больше миллиона юаней, если уж по-настоящему закупать припасы, особенно те, которые, по его прогнозам, в ближайшие десять лет не смогут производиться, то, честно говоря, много на эти деньги не купишь.

Нин Циянь подумывал продать квартиру. Но это был его дом с Ду Чэном. Каждая деталь здесь была продумана и обустроена с душой. Для Нин Цияня, у которого никогда не было настоящего дома, место, принадлежавшее только им двоим, было дороже любых денег и припасов.

Сверяясь с ценами в интернет-магазинах, Нин Циянь одновременно корректировал список необходимых вещей, составленный ранее.

В этом списке продукты занимали незначительное место. У любой еды есть срок годности. Даже крупы Нин Циянь собирался купить лишь столько, чтобы хватило им с Ду Чэном примерно на год. Если запasti слишком много, они просто испортятся. К тому же, судя по всему, двое кроликов в его пространственном хранилище чувствовали себя прекрасно, а щенок, которого он время от времени туда закидывал, тоже был здоров — ел и спал без проблем. Значит, на половине участка в хранилище можно развести кур, уток, свиней и овец, а на другой половине посадить овощи. В придачу к тем картошке и батату, которые они с Ду Чэном будут выращивать на выделенном правительством участке, с едой будет куда лучше, чем в прошлой жизни.

Поэтому основную часть списка составляли предметы быта, техника и уголь.

Предметы быта — без комментариев: одеяла, туалетная бумага, мыло и прочее — вещи неприметные, но без них жизнь становится крайне неудобной.

Что касается техники — чтобы нормально жить в пространственном убежище, необходим мощный солнечный генератор. Как минимум — для холодильника и индукционной плиты. Без холодильника мясо и овощи испортятся за пару дней.

А если захочется риса и муки — нужно будет сажать в хранилище рис и пшеницу, а для их обработки понадобятся шелушильная машина и мельница.

Угля же чем больше, тем лучше. В первую зиму после землетрясения, чтобы выжить и согреться, люди вырубили на дрова всю гору Цанъюнь и все окрестные хребты. А две следующие зимы, когда дров уже не было, стали ещё более невыносимыми.

Следующие несколько дней Нин Циянь, за исключением времени на приготовление трёхразовой еды, всё остальное время проводил, блуждая по сайтам интернет-магазинов.

Он очнулся только тогда, когда наступил день освобождения Ду Чэна. Все предметы быта из списка были уже куплены — оставалось только дожидаться доставки. Рано утром Нин Циянь встал, кое-как перекусил и начал готовить продукты для обеда, заодно поставил вариться

утиный суп. Закончив, он тщательно привёл себя в порядок перед зеркалом, спустился вниз, сел в машину и поехал в городскую тюрьму D.

Поскольку у него уже был такой опыт, Нин Циянь рассчитал время. Не прошло и получаса после его прибытия, как тюремные ворота медленно распахнулись.

Из памяти всплыл образ молчаливого мужчины в явно коротковатой одежде, вышедшего неспешным шагом. И только в этот миг беспокойство, терзавшее его с момента перерождения, наконец улеглось.

Нин Циянь моргнул, сдерживая жжение в носу, и медленно выдохнул.

Значит, он и вправду вернулся в прошлое...

5. Ду Чэн

— Ду Чэн, выйдешь отсюда — соблюдай закон и живи как следует. — Средних лет тюремщик хлопнул Ду Чэна по плечу и протянул ему документы.

Ду Чэн кивнул.

— Там машина стоит уже какое-то время. Видимо, за тобой.

Ду Чэн замешкался на мгновение, шагнул в распахивающиеся ворота. Ослепительное солнце заставило его прищуриться. На широкой, но пустынной дороге неподалёку стоял чёрный автомобиль.

Глядя на молодого человека, вышедшего из машины, Ду Чэн на миг потерялся.

Из памяти выплыл образ юноши — тот уже успел возмужать, превратиться в мягкого и воспитанного молодого мужчину. Девять лет стёрли прежнюю свежесть черт, сделав их более зрелыми.

Ду Чэн молча смотрел на приближающегося юношу — знакомые и в то же время чужие черты. Его взгляд потемнел.

Девять лет не тронули той чистой и мягкой ауры, что исходила от этого человека. Но сам Ду Чэн изменился.

Даже если в своё время он сел в тюрьму, взяв чужую вину на себя, долгие годы за решёткой и окружавшая его среда давно окрасили ту, всё ещё простодушную, личность в тёмные тона.

Когда он только попал в тюрьму, будучи молодым, Ду Чэн, сталкиваясь с пробными издевательствами со стороны других заключённых, придерживался принципа: можно уклоняться — уклоняйся, не выйдет — получи пару ударов. Он помнил последние слова того юноши, что он всегда защищал: „Я буду ждать тебя. Только обязательно будь в порядке“.

Ду Чэн не хотел проблем. Он боялся, что из-за них не сможет выйти вовремя и не сможет продолжать оберегать своего юношу.

Но от негласных законов тюрьмы нельзя было спрятаться, даже если очень хотел.

Он помнил: на второй месяц заключения, после того как его несколько раз избили без всякой причины, к нему подошёл Борода, до того лишь молча наблюдавший со стороны, и заставил его посмотреть на групповое „избиение“.

Тот юноша, которого удерживали на земле, по очереди терпя надругательства, — его бледная кожа была вся в грязных белёсых пятнах.

— Если будешь только прятаться, — сказал тогда Борода, — закончишь так же, как он. Хочешь выйти отсюда чистым — стань сильным. Не чтобы унижать других, а чтобы не унижали тебя.

Эти слова разбили скорлупу, в которой Ду Чэн прятался, пытаясь приспособиться к тюремной жизни, и заставили его увидеть мрак, что царил за этими высокими стенами.

Он не мог допустить, чтобы когда-нибудь его вот так унизили, не имея возможности сопротивляться. Он должен был выйти чистым. И потому, приняв покровительство Бороды, всего за несколько месяцев он приспособился к тёмной стороне жизни. Прозвище „Бешеный“ приклеилось к нему после каждой драки, где он не щадил ни себя, ни других, и быстро разлетелось по тюрьме. Даже несмотря на то что он держался особняком и не вступал ни в какие группировки, никто больше не осмеливался к нему соваться.

Но когда наступала ночь и всё затихало, Ду Чэн знал: он уже испачкан. И не потому, что в бесчисленных драках убивал людей, и не потому, что до конца погрузился в тюремные законы. А потому, что каждую ночь во сне он любил того юношу, которого когда-то носил на руках, снова и снова.

В темноте он превратил ту чистую защиту в бесконечную обладание.

Ду Чэн думал, что ему будет стыдно смотреть в глаза своему юноше. Но сейчас, под ярким солнцем, глядя на стоящего перед ним молодого человека, на его покрасневшие глаза, Ду Чэн вновь ощутил, как внутри поднимается мрак.

Это его юноша. И навсегда будет принадлежать только ему.

Нин Циянь шаг за шагом подошёл к мужчине, сдерживая подступившую к носу горечь, чуть приподнял голову и, всмотревшись в знакомые черты, расплылся в ослепительной улыбке.

— Ты вернулся. — Вернулся ко мне.

Ду Чэн спустя девять лет снова улыбнулся в ответ.

— Мм. Я вернулся. — К тебе.

Одиночество прошлой жизни, ожидание, длившееся дважды, — Нин Циянь наконец не выдержал, шагнул вперёд и крепко обнял Ду Чэна.

Ду Чэн медленно поднял руки, поколебался мгновение и наконец, повинаясь желанию, что жило в нём все эти девять лет, сжал в объятиях того, кого так ждал.

Знакомое тепло заставило обоих одновременно удовлетворённо выдохнуть.

— Ладно, пошли в машину. Я тебе одежду привёз. Переоденься, — сказал Нин Циянь, хлопнув Ду Чэна по плечу, и улыбнулся.

Ду Чэн позволил увести себя, подошёл к машине и забрался на заднее сиденье.

Нин Циянь не спешил уезжать. Он дождался, пока Ду Чэн переоденется, потом нетерпеливо вытащил его наружу и с удовлетворением оглядел его с ног до головы.

Ду Чэн безропотно подчинялся: поворачивался, когда его просили, поднимал руки. Только когда Нин Циянь налюбовался вдоволь, они снова забрались в машину и уехали.

<http://bllate.org/book/18708/1808059>